

На правах рукописи

НАЗАРОВА МУНИРА ОРТУКАЛИЕВНА

**Грамматические категории имён существительных
таджикского языка и способы их передачи на французский язык
(на материале романа Дж. Икрами «Дочь огня»)**

Специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Душанбе – 2023

Работа выполнена на кафедре истории языка и типологии Таджикского национального университета.

Научный руководитель: доктор филологических наук
Мухторов Зайнидин Мухторович

Официальные оппоненты: **Каримов Шухрат Бозорович** – доктор филологических наук, декан факультета английского и восточных языков Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни.

Насруддинов Сирожиддин Мохатшарифович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Национальной академии наук Таджикистана.

Ведущая организация: Таджикский международный университет иностранных языков имени Сотима Улугзода.

Защита диссертации состоится «17» января 2024 года в 14⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета 73.2.003.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Межгосударственном образовательном учреждении высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет» по адресу: 734025, г. Душанбе, ул. Мирзо Турсунзаде, 30

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Российско-Таджикского (Славянского) университета (<http://www.rtsu.tj>)

Автореферат разослан «16» ноября 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Аминов Азим Садыкович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью типологического исследования таджикского и французского языков, которое предполагает идентификацию функциональных особенностей системы этих языков и отдельных ее элементов. Сравнение, на первый взгляд, идентичных языковых явлений в разных языках позволяет выявить их имплицитные свойства, а также определить специфику как в языковом, так и в речевом функциональных аспектах.

В этом плане исследование категорий имён существительных таджикского и французского языков представляет особое научное значение как для разработки общей категории имени существительного, так и для выявления общих, частично совпадающих и отличающихся признаков исследуемых языков.

В научно-теоретическом аспекте принципиально важными обозначены сопоставительно-типологические исследования категории числа, определённости и неопределённости имени существительного. Данный ракурс позволяет нам раскрыть общие для разных языков процессы, закономерности и систематизировать специфические для каждого из них явления. Ведь при реализации языковых признаков и свойств каждый из языков обнаруживает такие детали и оттенки, которые при их автономном изучении недоступны или труднодоступны непосредственному наблюдению.

Сопоставительный анализ категорий числа, определённости и неопределённости имени существительного представляет большой интерес для изучения общих и отличительных признаков рассматриваемых языков. Заявленные подходы к изучению языковых единиц способствуют развитию как отдельно взятой методологической базы научного направления, так и науки о языке в целом.

Научные разработки в области сопоставительного, типологического и сравнительно-исторического языкознания настолько взаимосвязаны, что без обращения к переводу успешное проведение полноценных исследований в области типологии, компаративистики и сопоставительной лингвистики считается практически невозможным. В этой связи, перевод литературных произведений на разные языки мира по-прежнему остаётся актуальным, так как активизирует и популяризирует взаимоотношения межкультурного и межъязыкового характера. Следовательно, качество переводов находится в строгой корреляции со степенью развития межъязыковых связей и разработанностью научно обоснованной процедуры перевода материалов с одного языка на другой.

Проблема сопоставления языков на материале переводческой литературы занимает центральное место в современной лингвистической науке, где контрадикторным также представляется вопрос отражения языком своеобразных понятий в области культуры, быта и социальной среды отдельно взятого сообщества, этноса.

Поэтому многие ученые-лингвисты и специалисты по теории перевода и сопоставительного языкознания проводят свои исследования в рамках так называемого системного подхода, в котором данные вопросы

рассматриваются как с учетом результатов сопоставительного анализа, так и с учетом концепций и постулатов теории перевода.

Исходя из вышеприведенных фактов, **актуальность избранной темы** может быть представлена следующими положениями:

1. Исследование имени существительного и его категорий таджикского и французского языков в сравнительно-историческом и типологическом аспекте впервые вводится в спектр научного внимания.

2. Сегодня степень активности языковых контактов французского и таджикского языков не вызывает сомнений. Появились реальные возможности для культурно-образовательного взаимодействия Таджикистана с франкоговорящим миром, и с присутствием и функционированием множества международных политических, экономических и общественных институтов в республике данный вопрос приобретает особую актуальность.

3. Вопросы изучения имени существительного и его категорий продолжают сохранять свой проблемный статус. Развивая традиционные мнения о важности сохранения различных аспектов категории числа, неопределенности и определенности при анализе и сопоставлении, ученые указывают на аспекты, которые описывают данный процесс с какой-либо актуальной точки зрения.

4. Современный подход к сопоставительному изучению и решению важнейших вопросов академической и практической грамматики приобретает особую актуальность в современных условиях, когда носители французского и таджикского языков имеют возможность непосредственного общения в различных социальных отраслях социальной жизни и профессиональной деятельности.

Степень научной разработанности темы. Проблемы сопоставительного, сравнительно-исторического и типологического языкознания на материале родственных языков с давних пор привлекают внимание многих ученых, а также ведущих лингвистических школ и направлений. Так, например, Женевская школа (Балли, Сешэ, Фрей) разрабатывала и развивала идеи Ф. де Соссюра. Труд Ш. Балли «Linguistique générale et linguistique française» (1932) считается уникальным изданием, поскольку является первым опытом описания французского языка в сопоставительном аспекте, где языком для сравнения послужил немецкий.

Психологический сегмент исследований подобного типа нашел своё отражение в работах Ж. Дамурета и Е. Пеншона [Дамурет и Пеншон, 1951]. В трудах вышеназванных ученых проводится наиболее подробное описание грамматики французского языка.

Психосистематическая, менталистическая по своей сущности, концепция языка, была разработана Г. Гийомом (Le problème de l'article et sa solution dans la langue française (1919); Temps et verbe (1929)). Представителями школы Гийома являются такие ученые, как Р. Вален (Канада), Ж. Муанье, Ж. Стефанини. В 60–е гг. XX в. во Франции распространяются идеи семантического структурализма, которые отражены в грамматике Дюбуа [Дюбуа, 1967]. Контент первого тома книги основан на дистрибутивном анализе, другие – на трансформационном.

Функциональное направление представлено трудами Мартине и его последователей, которые под функциональным подходом подразумевают не только тщательный анализ функций грамматических форм, но и изучение их роли в коммуникации.

Известный лингвист Ш. Балли подчеркнул роль детерминативов как актуализаторов существительного, благодаря которым виртуальное понятие переносится в фактическую речь [Балли, 1955]. Резюмируя, можно отметить, что исследования в области сопоставительного языкознания, которые были проведены отечественными и зарубежными учеными, демонстрируют приоритетность подобного рода изысканий для современной лингвистики. Однако, несмотря на большое количество работ в этом направлении, многие аспекты до сих пор остаются неизученными ввиду разноплановости самого предмета исследования.

Типологический аспект французского и русского языков рассматривали В. Г. Гак, Л.И. Илия. Тематика образования множественного числа во французском языке была затронута в трудах таких известных французских филологов, как Martin Riegel (Мартен Риежел), Jean-Christophe Pellat (Жан-Кристоф Пела), René Rioul (Рене Риул) и другие.

Первые попытки проанализировать процесс образования множественного числа существительных в современном таджикском литературном языке встречаются в морфологии и синтаксисе таджикского языка. Фундаментальным трудом в этой области можно считать «Грамматические правила множественного числа» под авторством С. Ализода [Ализода 2010]. Позже в этом направлении работали отечественные и зарубежные лингвисты и востоковеды, такие как Б. Ниязмухаммедов, С. Халимов, Х. Хусейнов, Ш. Сияев, Н. Маъсуми, О. Джалолова, Ш. Рустамов и другие. В современном таджикском языке категория числа в разных частях речи рассмотрена отечественным учёным О. Джалоловым в труде «Категорияи ҷамъ ва баъзе масъалаҳои забони ҳозираи тоҷик» («Категория множественного числа и некоторые вопросы современного таджикского языка») [4], а также Ш. Рустамовым в книге «Исм» (Имя существительное) [9].

Вопросы образования множественного числа имён существительных таджикского языка всегда привлекали внимание учёных-диалектологов. В частности, И. И. Зарубин исследовал диалекты Самарканда, Р.Л. Неменова – говор Куляба, А.З. Розенфельд – говоры Каратага.

Языковед Ш. Рустамов в книге «Исм» (Существительное), рассматривая грамматические категории имени существительного, одновременно изучает вопросы категорий имени числительного. Ученый предоставляет обширные сведения о суффиксах таджикского и арабского языков, подчеркивая, что грамматическая функция собирательного суффикса зависит от словарно-грамматических видов существительного. [9]

В 1954 году известный исследователь Шавкат Ниёзи опубликовал монографию на тему «Существительное и прилагательное в таджикском языке», в рамках которой подробно описаны функциональные особенности этих частей речи. Автор предлагает свою оригинальную трактовку относительно роли артикля «-е» в выражении неопределенности существительного. [7]

В. С. Расторгуева, А.Л. Хромов, Ш. Ниёзи, Р. Гаффаров считают артикль суффиксальным показателем, но Ю.А. Рубинчик, И.К. Овчинникова, Р.Л. Неменова – грамматическим показателем.

Таджикский лингвист Ш. Рустамов отмечает наличие двух артиклей в таджикском языке, о чем говорится и в «Грамматике современного таджикского литературного языка» [3, 94].

Следует отметить, что артикль «-е» до сих пор является предметом споров между исследователями, поскольку некоторые считают его суффиксом. Однако относительно факта, что «-е» выражает категорию неопределенности, особых дискуссий в научных кругах не наблюдается.

В статье Ф. Х. Шариповой подробно проанализированы грамматические особенности артикля «-е» и его языковые функции на основе языковых материалов различного стиля и проведена научно-обоснованная классификация данной грамматической единицы, которая, как отмечает автор статьи, в персидском письме *ع* имеет 17 дифференциаций. Ходжа Хасани Нисори в своей книге «Чаҳор гулзор» (Четыре цветника) выделяет 18 видов буквы -е(*ع*), которая, находясь в конце слова, выполняет функцию артикля неопределенности и приобретает другие грамматические значения. [15]

По поводу типологического сравнения таджикского и французского языков можно отметить также статьи молодого учёного Р.Ш. Олимова «Выражение категории определенности с помощью послелога «-ро»». В данной статье автор отмечает что «подобно французскому определенному артиклю множественного числа *les*, в таджикском языке артиклоид *-ро* также может выражать множество определенных предметов, конструкция которых в данном случае выглядит как *-ҳо+-ро* (китобҳоро)» [8].

Цель настоящего диссертационного исследования заключается в проведении комплексного анализа категорий числа, определённости и неопределённости имени существительного в таджикском языке в сопоставлении с французским на основе романа Дж. Икрами «Дочь огня», а также в выявлении и классификации общих и отличительных особенностей данных грамматических категорий исследуемых языков. Поставленная цель обусловила решение следующих **задач**:

1) определить основные теоретические основы категории числа, определённости и неопределённости имени существительного, выявить их главные особенности;

2) конкретизировать функциональные характеристики категории числа, определённости и неопределённости имени существительного в сопоставляемых языках;

3) охарактеризовать тематические группы и разряды категорий числа, определённости и неопределённости имени существительного в таджикском и французском языках;

4) выявить идентичные и дифференциальные признаки категории числа, определённости и неопределённости имени существительного в сопоставляемых языках;

5) установить наиболее эффективные способы достижения адекватности при передаче категорий числа, определённости и неопределённости имени

существительного с таджикского на французский язык на материале художественной литературы;

б) провести классификацию грамматических категорий имен существительных в современном таджикском литературном языке и их аналогов во французском.

Научная новизна. Настоящая диссертационная работа является первым научным исследованием, в котором предпринимается попытка рассмотреть категории числа, определённости и неопределённости имени существительного в рамках сопоставительного анализа таджикского и французского языков. На основании проведенного сравнения автор предпринимает попытку конкретизировать пути адекватной передачи категорий числа, определённости и неопределённости имени существительного в таджикском и французском языках. В работе уделяется особое внимание изучению выше представленных категорий, в образовании которых свои функциональные особенности проявляют артикли и суффиксы таджикского и французского языков. Осмыслению подвергаются основные значения категории числа, неопределённости и определённости имени существительного в таджикском и французском языках. В сопоставительном плане выявляются и исследуются общие значения грамматических явлений в рассматриваемых языках.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что она призвана заложить основу для дальнейшего изучения и осмысления сущности грамматических категории в сопоставительном ракурсе. Результаты настоящей работы могут быть использованы при разработке теоретических аспектов сопоставительной грамматики таджикского и французского языков. Выявленные в ходе анализа расхождения в формальных и семантических системах сопоставляемых языков могут стать теоретической базой для решения многих актуальных вопросов современного языкознания, в частности в сфере сравнительно-исторического и типологического языкознания.

Практическую ценность работы представляют перспективы использования полученных результатов в практике преподавания таджикского и французского языков, в которой вопрос понимания и передачи категорий числа, определённости и неопределённости имени существительного до сих пор остаётся нерешённым. Также представляется возможность применения собранного материала при разработке и проведении лекционных и семинарских занятий по сопоставительному языкознанию. Практический материал диссертации может стать лингвистической ресурсной основой при осуществлении устного и письменного переводов в рамках сопоставляемых языков; составлении учебных пособий, словарей, а также специальных курсов по культуре речевого общения.

Теоретической базой настоящего исследования послужили работы зарубежных (Martin Riegel (Мартен Рижел), Jean-Christophe Pellat (Жан-Кристоф Пелла), René Rioul (Рене Риул), J. Damourette (Ж. Дамуретт), E. Pinchon (Е. Пеншон), Jean Dubois (Жан Дюбуа), R. L. Wagner (Р.Л Вагнер), L. Tesnière (Л. Теньер) и другие), русских и советских языковедов (В. Г. Гак, Л.

И. Илия, Н. А. Шигаревская, Г. В. Степанов, Ю. А. Рубинчик, В. С. Расторгуева и другие), а также отечественных учёных (С. Ализода, Ш. Ниязи, Б. Ниязмухаммедов, Ш. Рустамов, С. Халимов, Х. Хусейнов, Ш. Сияев, Н. Маъсуми, О. Джалолова, Б. Камолетдинов, З. Л. Муравьева, В. С. Расторгуева, А. Л. Хромов).

Методологию и методы исследования составляют исследования отечественных и зарубежных учёных-языковедов, посвященные изучению категорий числа, определённости и неопределённости имени существительного. Решению поставленных в работе задач в наибольшей степени отвечают, как нам представляется, методы сравнительного и сопоставительного языкознания. Среди них особое внимание уделяется методам наблюдения, сравнительно-историческому анализу таджикского и французского языков с учетом категориями числа, определённости и неопределённости имени существительного, их структурному и функциональному анализу, семантической характеристике, приёмам субституции. Каждый из них привлекался, прежде всего, в рамках грамматического исследования.

В работе были также применены приёмы лингвистического анализа предложений с целью наиболее полного раскрытия функционального аспекта категорий числа, определённости и неопределённости имени существительного в таджикском языке для эффективного сравнения его с французским и выявления способов их адекватной передачи в рассматриваемых языках.

Объектом исследования в диссертации являются категории числа, неопределённости и определённости имени существительного в таджикском и французском языках. Понятия числа, неопределённости и определённости языковых единиц и их функциональные особенности составляют **предмет** настоящего исследования, что обусловлено необходимостью адаптации системного подхода к решению сформулированных целей и задач.

Материал исследования. В качестве основного материала исследования выступают таджикские, русские и французские литературные источники (печатные и электронные), произведения французских и таджикских писателей XX столетия, а также их переводы. Основным языковым материалом анализа и интерпретации темы исследования выступают примеры из текста романа Джалола Икрами «Духтари оташ» (1983) и переводы данного произведения на русский (Дочь огня, 1964) и французский (La fille du feu, 1966) языки, а также «Vol de nuit» (Ночной полёт) французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери и его перевод на таджикский язык (Парвози шабона, 2006).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Категории числа, определённости и неопределённости имени существительного как грамматические явления в межъязыковой коммуникации характеризуются высокой степенью актуальности и требуют к себе своеобразного научно обоснованного подхода в условиях развития языковых контактов.

2. Категории числа, определённости и неопределённости имени существительного – понятие сугубо грамматическое, и его сравнительный анализ в рамках двух языков обладает высоким научным потенциалом.

3. Французский язык обладает широким кругом показателей категорий числа, определённости и неопределённости имени существительного, соответственно, эти вопросы нуждаются в последовательном, систематическом изучении в рамках сравнительно-исторического и типологического языкознания, а также теории и практики перевода.

4. Категории неопределённости и определённости имен существительных в таджикском и в французском языках имеют определенные сходства как в значении единичности, так и неопределённости, и наряду с этим отличие заключается в том, что во французском языке категория рода как мужской род и женский род занимает место одного из ведущих грамматических явлений, тогда как в таджикском языке грамматическая категория рода имен существительных вообще отсутствует.

Исследование категории числа, определённости и неопределённости в таджикском и французском языках представлено в анализе и интерпретации грамматических единиц, выявленных в качестве разрядов категории числа, определённости и неопределённости на материале исследуемых языков.

Степень достоверности и апробация результатов работы. 1. Достоверность полученных результатов основывается на репрезентативном охвате языковых данных, применении апробированных методов и приемов их анализа, соответствующих конкретным задачам. 2. Работа обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории языка и типологии Таджикского национального университета (протокол №2 от 13 сентября 2023 года). Основное содержание диссертационного исследования отражено в 10 публикациях, изданных в журналах, входящих в перечень ВАК Российской Федерации. Автор принимала непосредственное личное участие в разработке положений диссертационного исследования. Отдельные положения и выводы настоящего научного труда были представлены в виде докладов, тезисов на конференциях разного уровня (вузовские, межвузовские, республиканские, региональные, международные) за период 2015-2019 гг. в частности, на традиционных научных и научно-практических конференциях ученых Таджикского национального университета.

Объём и структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, разделённых на параграфы, заключения, списка литературы и источников практических примеров.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении проведён обзор научной литературы, даётся краткое обоснование выбора темы, определяется актуальность и раскрывается научная новизна работы, выделяются материал и методы его исследования, указывается теоретическое и практическое значение диссертации, определяются цель и конкретные задачи исследования.

Первая глава «**Структурный анализ категории числа имени существительного в таджикском и французском языках**», состоящая из двух разделов, посвящена определению общих и отличительных особенностей категории числа имен существительных таджикского и французского языков

на материале произведений таджикского писателя Джалоло Икрами и их переводных вариантов, прежде всего романа «Дочь огня».

В первом разделе данной главы рассмотрена функциональная характеристика суффикса «-ҳо» таджикского языка

В таджикском языке данный суффикс является широко употребляемым, во всех языковых стилях используется в равной степени. Дж. Икрами использовал этот суффикс с различными группами имён:

а) Имена существительные, которые выражают имена людей (антропонимы). Собирательные суффиксы, особенно «-ҳо», фигурируют в составе имен собственных: имена, фамилии отдельных лиц, династий и семейств. В романе «Дочь огня» этот суффикс является одним из функциональных компонентов имен и фамилий героев: Абдуллобойҳо ва Махдумҳо. Здесь суффикс «-ҳо» показывает не множественное число самого существительного, а его подобие. Следует указать, что переведены они были некорректно, то есть в соответствии с оригинальной версией романа эти существительные во французском переводе должны были быть представлены во множественном числе, однако суффикс «-s», который во французском языке, выражая множественное число, является наиболее точным, отсутствует: Abdullo-bai, а существительное Махдумҳо в переводном варианте было вовсе сокращено.

В следующем примере сложные существительные Абдуллобойҳо, Камолиддин Махдумҳо идентифицируют всех людей с этой (в данном контексте негативной) характеристикой.

– *Ман бовар мекунам, ки шумо аз ин амали бадатон тавба кардед ва дигар ба фиреби Абдуллобойҳо намедароед?* – *гуфт Ҳайдарқул...* [Ҷ. И. с.462].

«– Ну что же, брат мой, я верю, что ты раскаялся в своих злых намерениях и не поддашься больше на обман всяких Абдуллобаев», – сказал Хайдаркул [И. Дж. 435].

– *Allons mon frère, je suis sûr que tu t'es repenti et que tu n'aideras plus Abdoulo–bai, dit Khaïdarkoul* [I. Dj. 554].

б) Существительные–архаизмы. В иллюстративном материале нашего исследования встречаются существительные, обозначающие лицо, которые относятся к группе архаистических терминов, что обусловлено хронологическим аспектом: по сюжету, события романа происходят во времена революции. В следующих примерах использованы существительные *ойимҳо* (госпожа во множественном числе), *оймуллоҳо* (обращение к грамотной аристократке):

– *Ойимҳо дар хона?* – *пурсид Дилором* [Ҷ. И. с.16].

– *Госпожи дома?* [И. Дж. с. 19].

– *Vos maîtresses sont-elles chez elles?* [I. Dj. p. 21].

в) Существительные, называющие части тела (соматизмы). В таджикском языке такие существительные активно употребляются с суффиксом «-ҳо». В исследуемом нами фактическом материале встречаются такие лексические единицы, как *рӯйҳо* (лица), *чашимҳо* (глаза).

– *Омин!* – *гуфтанд ҳама ва даст ба рӯйҳо кашиданд* [Ҷ. И. с. 230].

– *Аминь!* – *сказали все хором и провели руками по лицу* [И. Дж. с. 227].

– *Qu'il en soit ainsi! Répondit toute l'assistance en se passant les mains sur le visage* [I. Dj. p. 293].

г) имена существительные, обозначающие названия народов и наций (этнонимы). Морфологически данный ряд существительных формируется при помощи суффикса «-ҳо». В произведении автор часто использовал эту категорию при описании характерных особенностей таких наций, как русские, татары, англичане и др.

...зоти **русҳо** ҳеч коре карда наметавонад [Ҷ. И. с. 406].

...**русские** ничего поделатъ не смогут [И. Дж. с. 386].

...**les Russes** ne pourront plus rien faire [I. Dj. p. 409].

д) Имена существительные, обозначающие принадлежность к конкретным локациям: местность, помещение, жилище и пространство в целом. Ввиду того, что в рассматриваемом произведении все события и явления происходили в Самарканде, Бухаре и Коканде, писатель указывал реальные, оригинальные названия местностей, жилищных условий и предметов быта. Данные существительные и в таджикском, и в французском языке презентуются во множественном числе: *самарқандиҳо* (les habitants de Samarkand – самаркандцы), *тошкандиҳо* (les habitants de Tochkent – ташкентцы), *коғониҳо* (les habitants de Kogan – каганцы) и др.

Ана, мо ҳам мисли самарқандиҳо, тошкандиҳо мешудем, чашмамон кушодатар мешуд [Ҷ. И. с. 190].

Вот у самаркандцев и ташкентцев глаза открылись [И. Дж. с. 189].

Vous voyez, les habitants de Samarkand et de Tochkent ont ouvert les yeux. Si seulement nous aussi... [I. Dj. p. 242].

е) Образование множественного числа заимствованных имен существительных посредством суффикса «-ҳо». Заимствования, как правило, являются достаточно широко распространенным языковым явлением в политической, социальной, культурной и дипломатической областях. Например, в лексической структуре таджикского языка арабские, русские и тюркские заимствования занимают особую позицию. В романе «Дочь огня», например, зафиксирован целый ряд исконно русских слов (*большевикҳо*, *батракҳо* (большевики, батраки) и др).

– *Ба шумо ғалат фаҳмонданд, акнун аз оқпошио умед нест, ўро бо авлоду асҳобаи большевикҳо куштанд* [Ҷ. И. с. 509].

– *Вас обманывают, нельзя больше надеяться на белого царя. И его самого, и всех его приближенных уже нет – их убили большевики* [И. Дж. с. 471].

– *On vous trompe. On ne peut plus compter sur le tsar. Il n'existe plus, pas plus que ses proches d'ailleurs. Les bolcheviks les ont tuées* [I. Dj. p. 591].

ё) Использование суффикса «-ҳо» в составе имен существительных, обозначающих социальные роли людей и род их занятий. Суффикс «-ҳо» в рассматриваемом произведении зафиксирован в составе существительных, выражающих различные социальные роли *ходимчиҳо*, *ҳамсӯҳбатҳо*, *шербачаҳо* (служители, собеседники, львята – смельчаки). Термин *ходимчӣ*, ныне считающийся архаизмом, в словаре «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» (Толковый словарь таджикского языка) зафиксирован в значении «слуга, служащий или женщина, которая обслуживает людей на мероприятиях» [11].

Писатель в целях придания контенту трилогии «Дочь огня» яркости и импрессивности достаточно часто использовал эту лексему.

Лексема *шербачаҳо*, как правило, используется как имя нарицательное молодых людей (мужского пола), отличающихся усердием, готовностью оказать любую услугу, смелостью.

Муҳаррами Фарч якраҳагӣ, бемазагӣ ва гарданғафсии Кали Қурбонро медонист, бинобар он гап назару поён фаромад ва сардори ходимчиҳоро ба ҷояш гузошта аз меҳмонҳо узр хост [Ч. И. 233].

Упрямый, вздорный нрав Кали Курбана был всем хорошо известен, и Мухаррама решила, что лучше его не дразнить. Вернувшись к гостям, она извинилась перед ними и, посадив на свое место старшую помощницу, обратилась к бабушке новорожденного (И. Дж. с. 230).

Le caractère obstiné de Kali Kourban était connu de tous, et Moukharrama comprit qu'il voulait mieux ne pas l'énerver. Elle alla trouver ses hôtes, s'excusa et après avoir mis à sa place la plus âgée des servants [I. Dj. p. 297].

ж) Существительные, выражающие единицы измерения времени (хрононимы). В романе для выражения категории множественного числа такого рода лексических единиц используется суффикс – «-ҳо»: *дақиқаҳо*, *рӯзонаҳо*, *имрӯзҳо*, *шабҳо* (минуты, дни, сегодняшние дни, вечера).

Дарёи мардум якбора ба ҷунбиш меомаданд, назарҳо ҳама ба роҳ мешуд, садои ғулғула баланд мегашт ва дақиқаҳо мегузаштанду аз амир дарак намешуд [Ч. И. 490- 491].

Человеческое море колыхалось, головы поворачивались к дороге. Толпа глухо гудела, медленно расступалась. Но проходили минуты, а эмира не было видно [И. Дж. с. 456].

La foule s'écartait un peu, les têtes se tournaient en direction de la route. La rumeur devenait plus forte. Mais le temps passait et l'émir n'était toujours pas là [I. Dj. p. 577].

з) Существительные, обозначающие растения (фитонимы). Лексемы данного типа в таджикском языке в своём составе имеют суффиксы «-ҳо» и «-он». Как правило, в обоих языках они представляются во множественном числе.

– *Ин барфи охирин будагист,– гуфт вай ба ҷӯбдасти дароз така карда истода, ҳамин, ки барфҳо об шуданд, дарахтҳо бедор шудан мегиранд* [Ч. И. с. 48].

«–Я думаю, это последний снег», – сказал он, опираясь на свою длинную палку. Как только он растает, деревья начнут просыпаться [И. Дж. с. 51].

D'après moi c'est la dernière neige, dit-il, en s'appuyant sur son bâton. Des qu'elle aura fondu, les arbres commenceront à s'éveiller [I. Dj. p. 65].

В приведенных примерах в составе существительного *дарахт* (дерево) использованы два суффикса множественного числа – «-ҳо» (*дарахтҳо*) и «-он» (*дарахтон*). Французский вариант образуется при помощи определенного артикля *les*, неопределенного *des* во множественном числе для обоих родов и суффикса «-s».

и) Существительные, обозначающие родственные связи (соционимы). Данная группа слов в таджикском языке образуется посредством суффиксов «-ҳо» и «-он».

– *Гардам, бибиҳо, ҳама ҷои ҳаммоми Кунҷаки мо гарм аст, мегуфт вай...* [Ҷ. И. с. 231].

– *Милые мои, в бане Кунджак тепло повсюду* [И. Дж. с. 228].

– *Mes chères amies, dans l'établissement de bains de Kounjak il fait chaud en tout lieu* [I. Dj. p. 294].

Корнем существительного *бибиҳо* (бабушки) является *бибӣ*, «-ҳо» – это суффикс. Однако переводчик выбрал в качестве эквивалента термин *mes chères amies* – мои дорогие подруги.

к) Существительные, обозначающие животных и птиц (зоонимы). Образование множественного числа данной категории существительных в таджикском языке происходит посредством суффикса «-ҳо», а во французском – посредством суффикса «-s».

Дар берун хурӯсҳо дафъаи савум ҳеҷ мезаданд ва кӯчаю хиёбонҳои шаҳр кайҳо аз мардум холӣ шуда буд, ҳама дар хоби роҳат буданд [Ҷ. И. с. 170].

Пропели третьи петухи. Улицы были давно пусты, город мирно спал (И. Дж. с. 170).

Les coqs chantèrent pour la troisième fois. Depuis longues les rues étaient vides, la ville dormait [I. Dj. p. 219].

Множественное число французского эквивалента таджикского существительного *хурӯсҳо* (петухи) – *les coqs* образовано посредством определенного артикля *les* для обоих родов и суффикса «-s».

л) Существительные, обозначающие военные понятия. В романе «Дочь огня» к данной категории относятся такие слова, как солдаты, есаул, стража (аскарҳо, ясавулҳо, сарбозҳо). Термин *ясавулҳо* (стража) является архаизмом, и писатель использовал его для более точного описания явлений и событий той эпохи.

Вақте, ки намоиши аскарҳо ба охир расид ва ҳама ҷо ба ҷо шуданд, мардум ҳам ба Регистон паҳн шуда, оҳиста-оҳиста ҳавлӣ ба ҳавлӣ шуданд... [Ҷ. И. с. 493–494].

После военного парада люди начали расходиться, и скоро площадь опустела [И. Дж. с. 458].

Après le défilé militaire, la foule se dispersa et la place fut à nouveau déserte [I. Dj. p. 580].

м) Существительные, обозначающие домашнюю утварь, скarb. В романе довольно часто используются существительные данной категории: *лаълиҳо, дегҳо, чойникҳо* и т. д. (подносы, котлы, казаны, чайники).

Лунгидорҳо зуд ба лаълиҳо чой оварда, ба назди меҳмонҳо дастурхон паҳн карданд [Ҷ. И. с. 231].

Появились подносы с чаем, угощение [И. Дж. с. 227].

On apporta des plateaux avec du thé et une collation [I. Dj. p. 293].

Кампир ба хизматгорҳои оиҳона гуфт, ки бе иҷозати вай ба дегҳо касе даст назанад... [Ҷ. И. с. 31].

Старуха приказала служанкам без нее не прикасаться к котлам... [И. Дж. с. 32].

La vieille femme ordonna aux servants de ne pas toucher aux plats son absence... [I. Dj. p. 40].

н) Существительные с конкретно-предметным значением. Конкретные существительные выражают людей и предметы реального мира. Они состоят из отдельных копий, исчисляются, имеют вес, форму, объём и вкус. [14, 21]. Существительные с конкретно предметным значением, выражающие предметы, также могут иметь множественное число. В произведении к этой группе слов относятся лексемы *тӯпҳо*, *зинаҳо* (*canon, les esclaliers*).

Фирӯза ва Асоро ҳам овози гулдурроси тӯпҳо аз хоби ширин саҳарӣ бедор кард [Ч. И. с. 521].

Пушечный гром (гром пушек – Н.М.О) разбудил Фирузу с Асо – он вернулся на рассвете [И. Дж. с. 479].

La bruit du canon avait réveillé Friouza et Asso qui était revenue à l'aube [I. Dj. p. 602].

о) Существительные, выражающие профессию, специальность, род занятий. В произведении данная группа лексем также образуется посредством суффикса множественного числа «-ҳо»: *дарзиҳо*, *созандаҳо*, *коргарҳо*, *табибҳо*.

–Духтар бахти худаиро оби чаим қатӣ меиҷад! – гӯфт яке аз дарзиҳо [Ч. И. с. 299].

–Девушка слезами обмывает свое счастье! – наставительно сказала одна из портних [И. Дж. с. 294].

–Les jeunes filles baignent leur Bonheur dans des larmes! fit l'une de couturières [I. Dj. p. 384].

п) Существительные, выражающие небесные тела. В произведении такие лексемы встречаются достаточно редко. Относительно высокой частотностью употребления отличается только существительное *ситора* (звезда).

–Ситораҳои осмон ба ман чашмакӣ зада гуфта истодаанд, пагоҳӣ дар Бухоро барф мешавад [Ч. И. с. 240].

– Звезды с неба подмигнули мне, дали понять, что завтра утром в Бухаре пойдет снег [И. Дж. с. 236].

Du haut des cieux les étoiles m'ont fait des clins d'œil, elles m'ont dit que demain il neigerait à Boukhara [I. Dj. p. 306].

р) Существительные, обозначающие религиозные, теологические понятия и элементы специальной терминологии (теонимы). В исследованном материале из данной группы встречаются только лексемы *авлиёҳо*, *анбиёҳо*.

Эти две единицы имеют теологическую семантику и в словаре «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» (Толковый словарь таджикского языка) комментируются таким образом: *Авлиё* а. *أولياء* ч. *Валий*; 1. д. святые люди, которые могут изобретать и предугадать. 2. Великие: святые государства; *анбиё* а. *النبين* пророки, апостолы [10].

Во втором разделе первой главы рассмотрены функциональная характеристика суффиксов «-он» («-гон», «-вон», «-ён») и их французских аналогов в выражении категории множественности существительного.

Суффикс «-он» является одним из базовых элементов в процессе образования множественного числа лексических единиц таджикского языка. Сведения об этой морфеме встречаются даже в древнейших источниках по грамматике, согласно которым данный суффикс выражает множественное число одушевленных предметов, а словообразовательный элемент «-ҳо» присутствует в составе неодушевленных существительных множественного числа. Суффикс «-он» и его грамматические варианты часто используются в литературном таджикском языке. В частности, в романе «Дочь огня» словообразовательный элемент «-он» и его грамматические варианты часто встречаются в одушевленных существительных:

а) Существительные родства:

–*Падарон ва модарони мо ҳеҷ гоҳ аз дили мо хабар намегиранд, ҳеҷ гоҳ розигии маро намеурсанд!* [Ч. И. с. 274].

–*Родители не спрашивают нас о наших чувствах. Никогда!* [И. Дж. с. 268].

–*Nos parents ne nous demandent jamais nos sentiments. Jamais!* [I. Dj. p. 348].

В вышеприведенных примерах существительные *падарон*, *модарон*, *писарон*, выраженные посредством суффикса множественного числа, переведены как *nos parents* (*волидон* – родители), хотя наиболее точным аналогом является *волидони мо* – наши родители, которое представлено притяжательным местоимением *nos* для обоих родов. Во втором предложении *падарон* (отцы) и *писарон* (сыновья) переведены в единственном числе – *le père tue le fils*, в то время как корректным вариантом указанных существительных является – *les pères, les fils*.

б) Существительные, выражающие лицо (личность), профессию, род занятий. Важно отметить, что подавляющее большинство лексем, входящих в данную категорию, были образованы от глагольной основы суффиксальным и префиксальным способами и сохранили только генетическую связь с глаголами. Например, *одамони роҳгузар* (пешеходы, прохожие).

Ин дафъа дар назди мадрасачаи лаби ҳавзи Арбоб Ашрафҷонро дид, ки нишастааст ва чашмаи ба роҳгузарон аст [Ч. И. с. 214].

На этот раз он сидел на обычном месте и внимательно всматривался в прохожих [И. Дж. с. 211–212].

Cette fois il était assis à sa place et examinait attentivement les passants [I. Dj. p. 273].

в) Имена собственные. В романе практически все лексеммы данной категории использованы в названиях местностей, площадей, зданий, построек и т.д.

Роҳи онҳо аз растаи Кӯшмадраса, тағи тоқи Аллофон ва тоқи Мисгарон ва Регистони Бухоро мерафт [Ч. И. с. 281].

На площади перед Кушмедресе столпились, беседуя о чем-то, учащиеся медресе. Под аркой Аллофон стояли продавцы муки в обсыпанной мукой одежде. Удары по металлу доносились из-под арки Мисгарон, где находились ряды медников... [И. Дж. с. 275].

La voiture suivait un chemin qui passait sous les arcades d'Allofon et de Mizgaron pour se diriger tout droit vers Réghistan [I. Dj. p. 357].

г) Арабские суффиксы, образующие множественное число. Заимствование арабских грамматических элементов в таджикском языке имеет долгую

историю и связано с процессом распространения ислама и арабского языка среди иранских народов. Арабы, наравне с внедрением своей религиозной политики, старались распространить арабский язык в Средней Азии. Образование множественного числа на арабском языке осуществляется и в неискаженной, и в адаптированной формах. Неискаженная выражается суффиксами «-от», «-ёт», «-ин».

–*Тутаҷон, тӯи инишаба, ҳамин қадар хароҷот, ҳамин қадар ташвиш, наҳод, ки фақат аз барои ханда бошад?* [Ч. И. с. 35].

– *Бабушка, ведь на сегодняшнюю “свадьбу” столько истрчено денег, столько было хлопот и возни, – неужели это все только ради того, чтобы подшутить над бедной женщиной?* [И. Дж. с. 37].

Mais enfin, grand-mère, pour ce mariage, aujourd’hui, on a dépensé tant d’argent, tout le monde a eu tant à faire, n’était-ce vraiment que pour se moquer de cette pauvre femme? [I. Dj. p. 47].

Существительное *хароҷот* на французский язык переведено глаголом в прошедшем времени *dépenser* – *харҷ кардан* (расходовать, тратить). Однако слово *dépenser* – расходовать, тратить (*харҷ кардан*) не имеет никакой корреляции с именем существительным.

Итоги данной главы могут быть представлены в следующих положениях:

1. Анализ и интерпретация переводного материала показывают, что при переводе лексических единиц не было обращено должного внимания на их словарное и лексическое значение, следовательно, перевод этих слов не всегда соответствует контекстуальному смыслу первоисточника.

2. При переводе отдельных частей текста оригинала некоторые слова, словосочетания были пропущены, что иногда может негативно отразиться на полноте понимания читателем содержания текста.

3. При рассмотрении языкового материала в рамках отмеченных во введении методов исследования выявлен факт неадекватного перевода целого ряда лексем, что может обусловить появление трудностей объективного и субъективного характера в процессе восприятия контекста.

4. Вариативный ряд суффиксов множественного числа в таджикском языке демонстрирует их разделение по степени активного использования этих суффиксов в процессе словообразования. Так, по частотности употребления приоритетная позиция сохраняется за суффиксом «-ҳо» в силу его универсальности.

В процессе исследования также были рассмотрены некоторые прямые переводы французских авторов на таджикский язык. В частности, роман французского писателя Антуана «*Vol de nuit*» (Ночной полёт), известный таджикскому читателю под названием «*Парвози шабона*», был переведён Туйчибоем Джумаевым.

Мы полагаем, что анализ некоторых предложений позволит сформулировать дополнительные аргументы в пользу представленных выше положений, а также целей и задач, о которых было заявлено во введении работы.

Le sommet se perdait très haut dans les nuages de neige... [A. de Saint-Exupéry. p. 17].

Сари тӯфон дар баландӣ, дар байни абрҳои барфӣ нопадид буд... [А. де Сент-Экзюпери с. 33].

Les collines, sous l'avion, creusaient déjà leur sillage d'ombre dans l'or du soir [А. де Сент-Экзюпери с. 4].

Tennaço зери болҳои ҳавопаймо сояҳои сиёҳи худро аллакай дар шоми тиллоранги фарорасида ғарқ мекарданд. [А. де Сент-Экзюпери с. 7].

Примеры еще раз доказывают, что суффикс множественного числа «-ҳо» (в таджикском языке) является прямым эквивалентом, суффикса «-s» во французском языке, то есть если во французском языке множественное число образовано с помощью суффикса «-s», то в таджикском – посредством суффикса «-ҳо».

Говоря о грамматических категориях имен существительных таджикского языка стоит напомнить о своеобразной разновидности категории числа древнеперсидского языка. Как и в других, языках в древнеперсидском языке кроме единственного и множественного числа, существовало двойственное число. Оно употреблялось в различных синтаксических предложениях. Но со временем оно становится излишним и постепенно во многих индоевропейских языках утрачивается. Именно такая историческая предрасположенность способствовало тому, что в таджикском языке некоторые слова встречаются в форме двойственного арабского числа. Они образовались при помощи суффикса –*айн*: хасмайн (ду душман – два врага), қавсайн (ду қавс – две скобки (обе скобки)), тарафайн (ду тараф – две стороны (обе стороны)), зулфайн (ду зулф – два локона (оба локона)), давлатайн (ду давлат – два государства – оба государства) [9, 29 - 30].

Во второй главе «Семантический анализ категории неопределенности и определенности имени существительного в таджикском и французском языках», состоящей из пяти разделов, рассмотрены средства выражения категории неопределенности и определенности существительного в таджикском и французском языках.

В первом разделе данной главы рассмотрен артикль «-е» как показатель категории неопределенности и определенности в таджикском языке.

Категория неопределенности и определенности типологически относит таджикский и французский языки к так называемым артиклевому языкам. В таджикском языке заявленная категория выражается различными способами, самыми известными из которых являются морфологический, синтаксический и лексико-грамматический. [Грамматика, 3, 156] Во французском языке, например, значение определенности объекта реализуется посредством определенных артиклей («индивидуализаторов») мужского и женского рода единственного числа *le, la* и множественного – *les*. В выборе артикля ситуация общения и контекст также играют важную роль.

На данном этапе развития таджикского языкознания взгляды таджикских ученых по вопросам категории неопределенности и определенности характеризуются противоречивостью. Еще в 1954 году известный ученый Шавкат Ниёзи издал монографию на тему «Существительное и прилагательное в таджикском языке», в которой рассмотрел упомянутую грамматическую категорию существительного. Автор следующим образом излагает свою позицию относительно роли артикля «-е» и его грамматических

функций в выражении неопределенности существительного: «Существительные обладают категориями определенности, неопределенности и единичности. Неопределенность существительного выражается посредством суффикса «-е» [7, с.6].

Во втором разделе второй главы изучены средства обозначения категории неопределенности и определенности в таджикском и французском языках.

Фрагментарно категорию неопределенности существительных рассмотрел таджикский языковед Р. Гаффаров в своей монографии «Язык и стиль Рахима Джалила». По его мнению, существительные выражаются в предложении тремя способами: умеренно, неопределенно и определенно.

Неопределенность существительного представлена посредством артикля «-е» словами **як** (один), **ягон** (какой-либо), иногда местоимениями **ҳеҷ** (ничто) и **кадом** (который) [3, с.104-111]. Исследователь, отмечая стилистическую принадлежность такого грамматического средства, как артикль «-е» и лексических единиц **як**, **ягон**, **баъзан**, **кадом**, **ҳеҷ**, считает, что артикль «-е» относится к книжному, а як – к разговорному стилю. Ученый также фиксирует факт синонимии артикля «-е» и отрицательного местоимения **ҳеҷ**.

Известный ученый–лингвист Н. Маъсуми в «Очерках о развитии литературного таджикского языка» (1959), сравнивая язык классической литературы и современный таджикский язык, рассматривает особенности использования неопределенного артикля «-е» в творчестве С. Айни: «Использование «-е» в современном и классическом таджикском языке отличается только в изафетных сочетаниях. В таджикском языке классического периода, наблюдается использование неопределенного существительного со своим определением, т.е. суффикс «-е» соединяется с существительным (определяемое) и не переходит к определяющему, («марде нек // добрый мужчина», «шахре ободон // благоустроенный город», «майдоне васеъ // широкая площадь»). В современном таджикском литературном языке подобный способ выражения встречается в поэзии и иногда в прозе (к примеру, у С. Улугзаде – «пайдоиши шахсе донишманд» (появление умного человека)), следовательно, упомянутое правило об элементе «-е» претерпело некоторые изменения, хотя он сохранил свою синтаксическую основу. Теперь в изафетных сочетаниях, даже если неопределенность свойственна существительному (определяемому), ее показатель – суффикс «-е» располагается в конце определяемого. Этому принципу строго следовал и С. Айни при создании своих произведений: «порчай калонтаре» // сравнительно большой кусок, «кофтукови бисёре» // многочисленные поиски, «хунари дигаре» // другой талант, «ҳавои хубе» // хорошая погода, «вақти муайяне» // определенное время [6, с.85, 89, 109, 139].

В современном таджикском языке артикль «-е» и понятие неопределенности переходит в разряд определенности в случае, если слово является именем существительным (**хори гуле (колючка цветка)**, **дарахти себе** (дерево яблони)).

Вопрос количества артиклей в таджикском языке отличается определённой степенью двоякости.

1. Согласно научным источникам, существует один артикль и этот артикль выражает и определенность, и неопределенность, а также имеет значение единичности и указательности.

2. Зафиксировано два одинаковых по форме артикля, которые придают существительным противоположные значения неопределенности / единичности / определенности / указательности / [3, с.30].

Артикль ставит грань не значению существительного, а понятию предмета.

Во французском языке выражение неопределенности и единичности существительного как грамматическая категория привлекало внимание ученых-лингвистов. Французские существительные имеют род (мужской и женский) и число (множественное и единственное). Категория числа выражается, в основном, в формах артикля или ряда других определителей. Во множественном числе существительные женского и мужского рода имеют единый артикль. Выразить некоторые противоположные значения можно посредством трех форм артикля: *le* или (*un*) – для выражения единственного числа мужского рода, *la* или (*une*) – для выражения единственного числа женского рода и *les* или (*des*) для выражения множественного числа женского и мужского родов [1, с.126].

Во французском языке артикль разделяют на: определенный и неопределенный. Термины «муайяни» (определенность) и «номуайяни» (неопределенность) подверглись серьёзной критике языковедов, в частности русских, так как под категорией определенности подразумевается конкретность предмета. Ещё Ж. Дамурет и Э. Пеншон считали *le*, *la*, *les* определенными артиклями (*articles notoires*). Эти артикли употребляются с существительными, которые уже были упомянуты в контексте.

Определенный артикль также используется в процессе идентификации конкретного предмета объекта из целого ряда аналогов.

Определенный артикль используется перед существительными в зависимости от категории рода (*le soleil*, *la lune*, *la terre*, *le ciel*, *la pluie*) и перед названиями природных явлений (*le vent*, *la neige*, *la pluie*).

La lune éclairait la neige (M. Druon). Моҳтоб барфро равшан мекард. Снег светил на луне.

La chaleur était maintenant très forte (P. Boulle). Акнун гармӣ боз шаддидтар мешуд. Тенеръ жара становилась всё сильнее.

Основным показателем категории неопределенности в таджикском языке является артикль «-е». Наравне с артиклем «-е» слова **як**, **ягон**, **кадом**, **ҳеч** также выражают неопределенность существительного. В этом разделе работы нами будет предпринята попытка рассмотреть средства выражения категории неопределенности существительного в таджикском и французском языках.

Как отмечалось ранее, основным грамматическим показателем неопределенности существительного в таджикском языке является артикль «-е». Грамматический контент-анализ романа «Дочь огня» Джалоло Икрами показал высокую степень частотности употребления данного элемента в выражении категории неопределенности:

Аз қазо рафту агар дар ин ҳавлӣ диле аз таъсири шиқ ба тапиш сар кунад, ё бояд хунафишон шавад ё ки ба сангу сафол мубаддал гардад [Ч. И. с. 256].

Стоило только чьему-нибудь сердцу запретить от любви, как его тут же безжалостно растаптывали [И. Дж. с. 252].

Il suffisait que le coeur de quelqu'un soit pris d'amour pour qu'il soit aussitôt écrasé sans pitié. Et le pauvre coeur perdait tout son sang, et il devenait de pierre [I. Dj. p. 327].

В приведенном примере для выражения неопределенности использован артикль «-е» с существительным **дил** (сердце), который также обозначает единичность предмета. Во французском языке эта категория выражается артиклем мужского рода **le: le coeur**. Необходимо отметить, что в таджикском языке артикль «-е» располагается в конце существительного, но во французском языке употребляется отдельно перед существительным, что является отличительной чертой неопределенного артикля в сравниваемых языках.

В третьем разделе второй главы рассмотрены морфологические и синтаксические свойства отрицательных местоимений. Считаем целесообразным рассмотреть эти формы более подробно. Составные формы отрицательных местоимений формируются из местоимения **ҳеч** (ничто), вопросительных местоимений, слова **як** (один) или существительных **ҳеч кӣ** (никто), **ҳеч чӣ** (ничто), **ҳеч кас** (никто), **ҳеч чиз** (ничто), **ҳеч гуна** (никак), **ҳеч кадом** (ни один), **ҳеч як** (ни один). Эти местоимения имеют особые свойства. К примеру, **ҳеч кӣ** (никто), **ҳеч кас** (никто) указывают на отсутствие человека, а сочетания **ҳеч чӣ**, **ҳеч чиз** (ничто) – отсутствие предметов. Отсутствие какого-нибудь признака предмета выражают сочетания **ҳеч гуна**, **ҳеч хел** (никак), количество предмета – **ҳеч як** (ни один): Бо сесада танга **ҳеч кас** ба сарбозӣ розӣ намешавад // С тремястами тенга никто не согласится на службу в армии [2, 290].

Относительно грамматической синонимии неопределенного артикля «-е» и отрицательного местоимения **ҳеч** ученый-лингвист Р. Гаффаров отмечает, что «отрицательное местоимение «**ҳеч**» в «Одамони ҷовид» (Вечные люди) употреблено для выражения неопределенности существительного. В романе его использование зафиксировано не только в предложениях с отрицательными сказуемыми, но и положительными их аналогами. В этом случае они наглядно демонстрируют неопределенность: Шумо **ҳеч** китоб овардед? // Вы принесли какую-нибудь книгу? В этом предложении отрицательными местоимениями являются **ҳеч** и **ягон**. Однако замена их словом **як** приводит к нейтрализации значения неопределенности» [2, 269].

Местоимение **ҳеч** и его составные формы употребляются для выражения неопределенности, оно является синонимом слова **ягон ҳеч кас – ягон кас** (никто). В следующем примере использованы отрицательное составное местоимение **ҳеч кас** и неопределенное существительное **осебе**.

То ман зинда ҳастам, ба ҳурмати арвоҳи поки Дилором-хола, ба ту ҳеч кас осебе расонида наметавонад, духтарам [Ч. И. с. 345].

Ну, теперь тебе никто больше не причинит вреда, дочь моя! [И. Дж. с. 339].

Allons, maintenant personne ne te fera plus de mal, ma fille ! [I. Dj. p. 435].

Переводчик корректно передал смысл отрицательного местоимения **ҳеч кас** посредством лексемы **personne**. Неопределенное существительное **осебе** –

fort a plus переведено дословно, что вполне оправданно в рамках данного контекста.

Местоименная конструкция *ҳеч чиз* в вышеприведенном примере выражает понятие неопределенности и во французском языке передана отрицательной частицей *ne ... rien*. *Rien* – *ҳеч чиз* (ничто, ничего) для выражения отрицания может использоваться с частицей *ne* – *не*. Во втором примере правильный перевод местоимения *ҳеч гоҳ* (*никогда*) *jamais*. Конструкция *ne ... rien* также употребляется для выражения отрицания глагола. Выражение *ҳеч гоҳ...сухане намеғӯяд* переведено как *ne racontera rien* (ничего не расскажет).

Лекин, чӣ гуфтам-а духтарам?! Ба ҳеч кас налаққӣ? Замонаҳо нобоб шудагӣ [Ч. И. с. 467].

Но помни, доченька, что я тебе сказала, никому ни слова, времена теперь тревожные... [И. Дж. с. 439].

Mais souviens-toi de ce que je t'ai dit, n'en parle à personne, nous vivons à une époque troublée... [I. Dj. p. 559].

В приведенном примере употреблены выражающие неопределенность местоименные конструкции *ҳеч кас* (*никто*) и *ҳеч кадом* (*никто*). Переводчиком были использованы отрицательные частицы и неопределенные местоимения: *n'en ... personne* – *ҳеч кас* (*никто*) и *ne ... pas à toutes* (*personne* – *ягон кас, ягон нафар* (*никто*), *toutes* – *ҳама* (*все*)).

В четвертом разделе второй главы рассмотрены синтаксические особенности употребления неопределенного местоимения «баъзе».

Неопределенные местоимения указывают на предмет и его признак в общих чертах, приблизительно. В эту группу входят слова **баъзе** – **некоторые**, **ягон** – **какой-то**, **фалон** – **кто-то**, **кадом** – **кто**, **чандин** – **несколько**, **якчанд** – **несколько**, **андак** – **немного**, **чанде** – **несколько**. Местоимение **баъзе** служит для выражения неопределенности существительных, и его функциональная особенность состоит в способности отделять неопределенный компонент от общего. Это местоимение используется в качестве прилагательного и располагается перед неопределенным объектом: ...монанди **баъзе** занони фаранчипартофтаи мо ба сари худ чомаеро гирифта... (Айнӣ). **Баъзе** аз инҳо ғилофи корд медӯхтанд (Айнӣ). Достаточно часто апробируется способ использования местоимения **баъзе** в субстантивном (в форме существительного) виде, то есть вместе с суффиксом, образующим множественное число: Ёдгор... бошандагони он чоро дид: баъзе бо чел, баъзе бо ишкел, **баъзе** монанди худаш бо челу ишкел хобида буданд [З. с. 288].

Местоимение *баъзе* отделяет неопределенный компонент от общего. Это местоимение применялось в качестве прилагательного и употреблялось перед неопределенным объектом: ...монанди **баъзе** занони фаранчипартофтаи мо ба сари худ чомаеро гирифта... (Айнӣ). **Баъзе** аз инҳо ғилофи корд медӯхтанд (Айнӣ). Существует возможность использовать местоимение **баъзе** в субстантивном (как существительное) виде. В этом случае употребляется вместе с суффиксом, образующим множественное число: Ёдгор... бошандагони он чоро дид: баъзе бо чел, баъзе бо ишкел, **баъзе** монанди худаш бо челу ишкел хобида буданд [З, 288].

В следующем примере неопределенное местоимение *баъзе* реализует неопределенность объекта:

– *Ашрафҷон, – гуфт заргар, – Ашрафҷон, тисари сандуқсоз омада буд, баъзе маслиҳатҳо доит* [Ч. И. с. 213].

– *Это приходил Ашрафджон, сын сундучника, кое, о чем посоветоваться* [И. Дж. с. 210].

– *Achraf-djon est venu me voir. C'est le fils du fabricant de malles. Il m'ademandé conseil* [I. Dj. p. 271].

Во французском контексте переведено лишь существительное *маслиҳат* – *conseil*. Сокращено слово *баъзе*, в результате чего нейтрализовалось значение неопределенности существительного.

В пятом разделе второй главы рассмотрено функционально-синтаксические характеристики неопределенного местоимения «**ягон**». Лексическая единица *ягон* известна как средство выражения неопределенности и единичности существительного. В романе «Дочь огня» данная единица наравне со своими грамматическими синонимами выполняет именно эту функцию. Однако круг её употребления сравнительно узок, нежели спектр использования артикля «-е» и числительного *як*. **Ягон**, являясь синонимом артикля «-е» и других грамматических средств выражения неопределенности, обычно употребляется в двух значениях: первое – для выражения неопределенности и единичности существительного, второе – для эмпазы основного значения:

Мулло шуда ба ягон мадраса мударрис мешавад ё ки ба ягон туман қозӣ? [Ч. И. с. 277].

Муллои не станет или в медресе мударрисом, казием тоже нет [И. Дж. с. 271].

Elle ne deviendra ni mollah, ni kazii [I. Dj. p. 352].

– *Ман ягон сухани бечо нагуфтам, тақсир! Гуфт нонвой* [Ч. И. с. 428].

– *Помилуйте, господин раис, я ни одного плохого слова не сказал!* [И. Дж. с. 406].

– *Je n'ai rien dit mal ! fit le cuisinier* [I. Dj. p. 515].

В этой группе примеров неопределенность существительного выражена неопределенным местоимением *ягон* (*ni– ni*, в таджикском языке *на на*). В другом предложении *ягон* во французском переводе представлено единицей *n'ai rien*, которая употребляется при использовании так называемого «двойного» **отрицания**, то есть сочетание отрицательного глагола с отрицательной частицей *ne ... rien*. Перевод в полной мере передаёт смысловое содержание исходного текста.

– *Аз вай ҳам барҷомондатар ягон кас набуд?* [Ч. И. с. 479].

– *А кого-нибудь подрыхлее вы не смогли найти?* [И. Дж. с. 447].

– *Vous n'auriez pu trouver quelqu'un de pire !* [I. Dj. p. 565].

Выбор французского слова *quelqu'un* в качестве эквивалента неопределенного сочетания *ягон кас* можно считать корректным.

...ту чилимро зуд алав карда бурда те, ки боз ягон мағал нахезад [Ч. И. с. 335].

– *Разожги, доченка, поскорее чилим – у меня руки в тесте, и отнеси поскорее, а то, чего доброго, опять поднимется скандал...* [И. Дж. с. 330].

Apporte-le lui au plus vite, sinon il va encore y avoir un scandale... [I. Dj. p. 422].

Словосочетание **ягон мағал** на французский переведено *un scandale*, в котором неопределенность выражена неопределенным артиклем мужского рода **un**.

– *Шумо, албатта, инро ба амир ё ки ба ягон каси дигар мекардагистед?* [Ч. И. с. 224–225].

– *Вы наверно, намереваетесь поднести ее эмиру или еще кому-нибудь...* [И. Дж. с. 222].

– *Vous avez sans doute l'intention d'en faire cadeau à l'émir ou à quelqu'un d'autre...* [I. Dj. p. 286].

В вышеприведенном предложении перевод неопределенного существительного **ягон кас** – *quelqu'un* следует идентифицировать как корректный. Наблюдения показывают, что неопределенный артикль в структуре французского предложения или фразы не имеет определенной позиции. Слово **ягон** часто употребляется в разговорном языке, и писатель широко использует его в речи персонажей, что придает всем его произведениям статус уникальности.

Анализ фактического материала показал, что выражение неопределенности зависит от позиции слова, наличия специальных условий для осуществления различных грамматических средств и умения ими оперировать.

1. Ограниченный функциональный спектр артикля «-е», слов **як, ягон, ҳеч, кадом** и их взаимозаменяемость доказывает, что основная функция артикля «-е₁» заключается в выражении неопределенности и единичности.

2. В произведении артикль «-е» имеет достаточно широкий круг употребления, в частности, он повсеместно используется в описательной речи писателя.

3. Лексемы **як, ягон** отличаются частотностью употребления в речи персонажей, что обосновывает факт их принадлежности к разговорному стилю.

4. Для выражения категории неопределенности существительного были использованы все релевантные цели грамматические средства, в частности, слова **як, ягон, ҳеч, кадом, баъзе**, которые в большинстве случаев выступали в качестве синонима неопределенного артикля «-е».

5. Если неопределенность имени существительного во французском языке выражается только посредством артикля, то в таджикском языке для реализации этой цели существует ряд способов в рамках морфолого-синтаксического и лексико-грамматического подходов.

6. В таджикском и французском языках существительное обладает морфологической категорией определенности и неопределенности, основным средством выражения которых во французском языке являются артикли **le, la, les** (определенность), **un, une, des** (неопределенность), **du, de la** (компонентный), а в таджикском – артикль «-е» и послелог **-ро**.

7. Одной из основных причин опущений слов и словосочетаний в тексте французского перевода является неадекватность русского перевода произведения.

В частности, неопределенность существительного в таджикском языке выражается посредством неопределенного артикля «-е», словами **як, ягон,**

кадом, ҳеч и во французском при помощи неопределенных артиклей *un, une* и *des*. Категория рода французских существительных включает два компонента – женский и мужской род, в таджикском языке данная грамматическая категория вообще отсутствует.

Формат применения артикля неопределенности и определенности заключается в частом использовании писателем артикля «-е» в описательной речи слов «*ягон*», «*як*» в речи персонажей произведения.

Во второй части мы также приводим примеры из французского романа Антуана де Сент-Экзюпери «Ночной полет» и его таджикского перевода.

Oui, c'est bien là qu'il fut le témoin d'un miracle [A. de Saint-Exupéry. p.13].

Ope, ope, ū маҳз дар он ҷо шоҳиди мӯъҷиза буд [А. де Сент-Экзюпери с. 26].

Il leva les yeux vers les étoiles, qui luisaient sur la route étroite, presque effacées par les affiches lumineuses, et pensa: [A. de Saint-Exupéry. p. 32].

Вай ба ситораҳо, ки аз болои кӯчаи танг нурношӣ доштанд ва дар назди равшани эълонҳо оқиз монда, аз нав дар осмон нопадид мешуданд нигоҳ кард [А. де Сент-Экзюпери с. 63].

Существительные *le témoin, les étoiles, la route, les affiches* представлены определёнными артиклями единственного и множественного числа (*le* – муж. род и *la* – жен. род и *les* – множ. число для обоих родов), которые переведены на таджикский язык лексемами *шоҳид, кӯча* в единственном числе и *ситораҳо, эълонҳо* во множественном числе.

Un sourire triste lui vint aux lèvres, que Robineau ne comprit pas [A. de Saint-Exupéry. p. 27].

Дар қиёфаи раис табассуме ғамомезе пайдо шуд, ки маънои онро Робино нафахмид [А. де Сент-Экзюпери с. 53].

Rivière pensa qu'ainsi, chaque nuit, une action se nouait dans le ciel comme un drame (A. de Saint-Exupéry. p. 27).

Аммо Ривьер фикир кард, ки ана ҳамин тавр ҳар шаб дар осмон як гиреҳи фоҷиаи нав бафта мешавад [А. де Сент-Экзюпери с. 53].

Il posait parfois des rébus en sortant d'un songe [A. de Saint-Exupéry. p. 26].

Аз дунёи хаёлот баргашта, Ривьер баъзан ба зердастони худ ҳамин зайл муаммоҳоро пешниҳод мекард [А. де Сент-Экзюпери с. 51].

Существительные *un sourire, une action, un drame* имеют в своем составе неопределённые артикли единственного числа (*un* – муж. род и *une* – жен. род), которые в таджикском варианте представлены посредством неопределённого артикля «-е» (*табассуме*) и слов *як (як гиреҳ)*. Существительное *des rebus*, сформировано с помощью неопределённого артикля множественного числа *des*, которое в таджикском переводе (*муаммоҳо*) отсутствует.

В заключении диссертации сформулированы основные результаты и выводы исследования.

Цитируемая литература

1. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис/ В. Г. Гак. – М.: Высш. шк., 1986. – с. 220
2. Ғаффоров, Р. Забон ва услуби Раҳим Ҷалил (дар асоси романи «Одамони ҷовид») / Р. Ғаффоров. – Душанбе, 1966. – с. 104–118

3. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми I. Фонетика, морфология. – Душанбе: Дониш, 1985. – 314с
4. Джалолов, О. Дж. Категория множественного числа и некоторые вопросы современного таджикского языка. Издательство академия наук. Таджикской ССР / О. Дж. Джалолов. – Сталинабад. – 1961. – 160с.
5. Капранов, В. А. Толковый словарь таджикского языка в 2-х тт. I том. А – О. – М.: Советская Энциклопедия, 1981. – 694с
6. Маъсумӣ, Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик. /Н. Маъсумӣ. – Сталинобод, 1959. – 294 с.
7. Ниёзӣ, Ш. Исм ва сифат дар забони тоҷикӣ / Ш. Ниёзӣ. – Сталинобод. – 1954. – 130 с
8. Олимов, Р.Ш. Выражения категория определенности с помощью послелога «-ро» / Р.Ш. Олимов // Актуальные проблемы лингвистики, переводведения и методики обучения иностранным языкам в высшей школе. ТГПУ им С. Айни. Душанбе – 2018. –С. 251-254
9. Рустамов, Ш. Имя существительное (на таджикском языке) / Ш. Рустамов. – Душанбе: Дониш, 1980. –220 с.
10. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷ.1. – Душанбе, 2008. – 950 с.
11. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷ.2. – Душанбе, 2008. – 945 с.
12. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ. – Душанбе, 2006. – 784 с.
13. Французско-русский фразеологический словарь. – М., 1963. – 1112 с.
14. Ҳалимов, С. Забони ҳозираи тоҷик (ҳиссаҳои номии нутқ) / С. Ҳалимов, К. Шукурова. – Душанбе: 1988. – 100с.
15. Шарипова Ф.Х. Корбурди ҳарфи *с* (артикли -е) дар осори марҳилаи аввали инкишофи забони адабӣ / Ф. Х. Шарипова // Вестник Таджикского национального университета 4/7 (218) Душанбе: 2016. – С. 5-11.

Источники

1. Антуан де Сент-Экзюпери. Парвози Шабона / А. Сент-Экзюпери. Аз фаронсавӣ тарҷумаи Гулназар Келдӣ, Туйчибой Ҷумаев. – Душанбе, 2006. – 171 с.
2. Икрами, Дж. Дочь огня. (Перевод В. Смирновой, Л. Бать, М. Явич) / Дж. Икрами. – М.: «Советский писатель», 1964. – 488 с.
3. Икромӣ, Ҷ. Духтари оташ: Роман / Ҷ. Икромӣ. – Душанбе : Ирфон, 1983. – 528 с.
4. Antoin De Saint-Exupéry. Vol de nuit / A. De Saint-Exupéry. Groupe des Ebooks Libres et Gratuits, 2004. P. 85.
5. Ikrami, Dj. La fille du feu. (roman traduit du russe par Antoinette Mazzi) / Dj. Ikrami. Editions du Progrès. Moscou 1966. – 612 p

Основные положения исследования нашли отражение в следующих публикациях автора диссертации:

1. Назарова, М. О. Категория неопределенности в таджикском и во французском языках (на материале романа Дж. Икрами «Дочь огня», «La fille de feu») / М. Назарова // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия «Филология». – Душанбе: Сино, 2012. – 4/4 (91). – С. 60 – 63 (на тадж. яз.).

2. Назарова, М. О. Категория числа в таджикском и французском языках (на основе романа Дж. Икрами «Дочь огня», «La fille de feu») / М. Назарова // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия «Филология». – Душанбе: Сино, 2012. – № 4/5 (95). – С. 25 – 28 (на тадж. яз.).

3. Назарова, М. О. Выражение множественного числа существительных, обозначающих профессии, в таджикском и французском языках (на материале романа Дж. Икрами «Дочь огня», «La fille de feu») / М. Назарова // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия «Филология». – Душанбе: Сино, 2013. – № 4/4 (116). – С. 85 – 89 (на тадж. яз.).

4. Назарова, М. О. Суффиксы имён существительных в таджикском и французском языках (на материале романа Дж. Икрами «Дочь огня», «La fille de feu») / М. Назарова // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия «Филология». Душанбе: Сино, 2015. – № 4/1 (159). – С. 110 – 113 (на тадж. яз.).

5. Назарова, М. О. Перевод собирательных и повторяемых существительных (на основе романа Дж. Икрами «Дочь огня», «La fille de feu») / М. Назарова // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия «Филология». – Душанбе: Сино, 2016. – № 4/1 (195). – С. 60 – 62 (на тадж. яз.).

6. Назарова, М. О. Суффикс «-ҳо» в таджикском языке и способы его передачи на французский язык (на основе романа Дж. Икрами «Дочь огня», «La fille de feu») / М. Назарова // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия «Филология». – Душанбе: Сино, 2017. – № 4/2. – С. 73 – 76.

7. Назарова, М. О. Отрицательное местоимение «ҳеч» (ни, не) и его составные конструкции при обозначении категории неопределенности имен существительных таджикского языка и их сопоставление с переводными вариантами на французский язык (на основе романа Дж. Икрами «Дочь огня», «La fille de feu») / М. Назарова // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия «Филология». – Душанбе: Сино, 2017. – № 4/3. – С. 19 – 21 (на тадж. яз.).

8. Назарова, М. О. Обозначение категории множественного числа при помощи суффикса «-он» («-гон», «-вон», «-ён») и их французские аналоги / М. Назарова // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия «Филология». – Душанбе: Сино, 2018. – № 6. – С. 89 – 91.

9. Назарова, М. О. Отрицательные местоимения таджикского языка и способы их передачи на французский язык / М. Назарова // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия «Филология». – Душанбе: 2018. – №8. – С. 80 – 84.

10. Назарова, М. О. Неопределенные местоимения «баъзе, ягон, кадом» и их переводы на французский язык (на основе романа Дж. Икрами «Дочь огня») / М. Назарова // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия «Филология». – Душанбе: Сино, 2019. №3. – С. 151 – 155

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 13.11.2023. Подписано в печать 14.11.2023.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Услов. печ. л. 1,6.
Тираж 100 экз. Заказ № 21.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсун-заде, 30